

УДК 81'255.2

*В.А. Немкова***ПОКАЗАТЕЛИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА И «ОВНЕШНЕНИЕ» ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ В. МАКАНИНА «ЛАЗ» И А. И Б. СТРУГАЦКИХ
«ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ» И ИХ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ).**

В статье рассматривается связь между показателями персонализации и точкой зрения в произведениях, написанных от третьего лица. Отсутствие формального выражения третьего лица становится для автора средством подключения к точке зрения главного героя и позволяет читателю встать на позицию последнего, посмотреть на мир его глазами. В переводах на месте значимого отсутствия данных показателей мы часто встречаем местоимения третьего лица, которые «овнешняют» точку зрения, напоминая нам, что мы смотрим на героя со стороны.

Ключевые слова: персонализация, дейксис, внешняя точка зрения, внутренняя точка зрения, субъект наблюдения и сознания.

Любое художественное произведение отражает определённый взгляд на описываемый мир. Его автор неминуемо сталкивается с проблемой точки зрения, поскольку выбор ракурса, под которым подаётся та или иная история, неизбежен. В первую очередь, писатель решает, кто будет её рассказывать: безликий повествователь или персонифицированный рассказчик. Но и после того, как автор определится с тем, кому доверить функцию нарратора, у него останется много возможностей для управления точкой зрения и осуществления её модификации по ходу повествования. В частности, даже если перед нами третьеличный нарратив, позиция главного героя может в разной степени проявляться в произведении и, более того, становиться определяющей благодаря умелому использованию приёмов субъективации.

В нарративе с экзегетическим повествователем [6. С. 203] мы часто сталкиваемся с трансформацией точки зрения благодаря тому, что повествователь может вставать на позицию героя. Прежде чем рассмотреть те эффекты, которые вызывает опущение показателей 3го лица в повествовании, необходимо остановиться на семантике этих показателей. Чёткая противопоставленность граммы 3го лица 1-му и 2-му лицу в своё время стала предметом обсуждения в лингвистике. В частности, Э. Бенвенист называл 3-е лицо особой глагольной формой с функцией выражать «не-лицо». Именно данная граммема переводит диалог в плоскость пересказа, называя лицо, не участвующее в непосредственной коммуникации. [1. С. 262]. С выделением внутри грамматической категории лица бинарной оппозиции «1-е/2-е лицо – 3-е лицо» согласно подавляющее большинство учёных. Практически каждый, кто пишет о данной грамматической категории, отмечает в ней особое место 3-го лица. Дж. Лайонз развивает эту мысль: «В то время как говорящий и слушающий наличествуют в составе любой ситуации, другие упоминаемые лица и предметы не только могут отсутствовать в самой ситуации высказывания, но оставаться вообще неидентифицированными» [4. С. 292].

Категория лица является дейктической, то есть связана с ориентацией на говорящего как на центральную фигуру речевого акта [2. С. 5-6]. В третьеличном нарративе такой фигурой становится повествователь, который представляет объективный взгляд на события, внешний по отношению к сознанию героя. Опущение показателей персонализации в повествовании от третьего лица позволяет выделить наиболее значимые фрагменты сюжета. В отсутствии местоимений, указывающих на «не-лицо», повествование становится более субъективным и ориентированным на позицию героя: перед нами своего рода дейктическая проекция. В переводах, однако, модусный план оригинала подвержен большим изменениям по сравнению с диктумной частью: при сохранении сюжетной канвы может существенно меняться система точек зрения [8, 9].

В повести В. Маканина «Лаз» подключение к точке зрения главного героя происходит последовательно на разных уровнях, начиная с его пространственно-временной позиции и заканчивая точкой зрения в плане психологии (по терминологии из [10. С. 77, 109]). В примере ниже в оригинальном тексте задействована точка зрения героя как наблюдателя событий, перед нами – тот же перцептивный образ, который оказывается перед *его* глазами. В тексте Маканина, однако, местоимение третьего лица отсутствует, что несёт смысловую нагрузку: непосредственное подключение к позиции героя в хронотопе событий делает указание на субъект восприятия излишним. В переводе не только эксплицированы показатели лица, но и вся конструкция преобразуется в глагольную. Фрагмент в англ-

лийском тексте получает большую информативную нагрузку в противоположность изобразительно-му плану в оригинале. Таким образом, экспликация показателей лица в сочетании с глагольным предикатом делает точку зрения более внешней: перед нами в большей степени интерпретация событий безликим повествователем, чем прямое наблюдение самого героя.

1.	...почва еще не перед глазами... (В. Маканин. Лаз)	...his eyes still <i>cannot see</i> the soil... (Пер. М. Э. Шпорлюк)
----	---	---

Помимо передачи данных непосредственного восприятия главного героя отсутствие местоимений третьего лица может быть средством формирования точки зрения в плане фразеологии [10. С. 28]. В следующем примере экспрессивное *ч-черт!* в сочетании с метатекстовым элементом *разумеется* отсылают к герою как субъекту речи и сознания. В данном контексте, когда повествователь словно начинает говорить словами персонажа и озвучивать его мысли, показатель 3го лица выглядел бы странно. Однако в переводе он появляется, что может быть обусловлено как в целом большей тенденцией к экспликации смыслов в английском языке по сравнению с русским, так и общей стратегией перевода, где последовательно представлена более внешняя точка зрения.

2.	Ч-черт! Рубашка сразу намокла, разумеется, кровь. (В. Маканин. Лаз)	Damn it! His shirt is instantly wet – blood, of course. (Пер. М. Э. Шпорлюк)
----	--	---

Иногда автор использует безличные предложения с модальными предикатами, тем самым передавая идею необходимости, источником которой становится сознание героя. В приведённом ниже примере мы становимся свидетелями внутреннего монолога Ключарева. В английском языке конструкции с модальными глаголами обычно подразумевают экспликацию субъекта, поэтому в переводе появление третьего лица оказывается практически неизбежным. В английском тексте не происходит подключения к сознанию героя: вместо его внутренней речи мы вновь слышим голос повествователя.

3.	Надо позвонить Чурсину. (Надо пытаться.) (В. Маканин. Лаз)	He must call Chursin. (He has to try and call.) (Пер. М. Э. Шпорлюк)
----	---	---

В следующем примере в оригинале также представлено безличное предложение, субъектом которого является главный герой. Благодаря отсутствию указания на третье лицо высказывание может восприниматься как его внутренняя речь. Как и в примере выше, в английском тексте показатель персонализации разрушает иллюзию подключения к сознанию героя, в целом овнешняя точку зрения.

4.	Можно звонить. (В. Маканин. Лаз)	He can call. (Пер. М. Э. Шпорлюк)
----	----------------------------------	-----------------------------------

Тенденция к большей экспликации смыслов в английском переводе проявляется не только в более активном использовании местоимений третьего лица. Как видно из примера ниже, несобственно-прямая речь героя, в оригинале довольно лаконичная («*Стоп*»), передаётся в переводе развёрнутой фразой *It's time to stop*, которую едва ли можно воспринять как продукт непосредственного мышления Ключарева. Напротив, главный герой мыслит односложными предложениями, что вполне объяснимо фрагментарностью его сознания и восприятия окружающего мира. Следующее предложение в оригинале неполное: нам из контекста понятно, о ком идёт речь, поэтому указание на третье лицо опять опущено.

5.	Он едва не падает. Стоп. Высвободил ноги. (В. Маканин. Лаз)	He almost falls. It's time to stop. He frees his legs. (Пер. М. Э. Шпорлюк)
----	---	---

Фантастическая повесть А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» композиционно делится на две части. В первой главе главный герой – двадцатитрёхлетний сотрудник института внеземных культур Рэдрик Шухарт – отправляется вместе с напарником Кириллом на вылазку в Зону Посещения. После несчастного случая, произошедшего с его другом во время этого приключения, Шухарт уходит из института, но в Зону его как настоящего stalkera по-прежнему влечёт невидимая сила. Интересно, что только первая глава написана от первого лица в настоящем времени. Последующие главы написаны от третьего лица в прошедшем времени, словно сознание героя после пережитого им потрясения становится нам недоступным. Тем не менее, главный герой остаётся фокальным персонажем по ходу всего произведения, поэтому его точка зрения определяет то, как нам представлены события. Рассмотрим некоторые примеры, где в оригинале отсутствие показателей лица позволяет посмотреть на мир глазами Рэдрика.

В приведенном ниже эпизоде Рэдрик ощупывает ногу Барбриджа, который из-за частых походов в Зону практически лишился костей. Из контекста ясно, что субъект восприятия здесь главный герой, поэтому показатели персонализации не нуждаются в экспликации. В обоих анализируемых переводах появляется местоимение *he*, которое напоминает нам, что перед нами речь повествователя, а не героя. Безличное *можно было завязать* в английских вариантах текста передаётся одинаково – *you could tie*. Второе лицо, как нам представляется, имеет здесь обобщённо-личное значение, и его использование на месте безличной конструкции кажется нам оправданным. Кроме того, благодаря местоимению *you* читателю становится проще встать на место героя.

6.	На самом деле прошупывалась только коленная чашечка. Ниже, до самой ступни, нога была как резиновая палка, ее можно было узлом завязать . (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	Actually all he could feel was the kneecap. Below, all the way to the ankle, the leg was like a rubber stick. You could tie knots in it. (Пер. А. Бьюис)	Actually, he could only feel the kneecap. Below there, all the way down to the heel, the leg felt like a rubber stick – you could tie it in knots. (Пер. О. Бормашенко)
----	--	--	--

В следующем примере в теме предложения – объект чувственного восприятия наблюдателя, в реме – сообщение о его известности герою. Причём то, что тропа знакома именно Рэдрику, мы понимаем без лишних слов. Таким образом, в одной фразе задействуется внутренняя точка зрения героя как субъекта знания и наблюдения одновременно. В переводах фрагмент передан по-разному: в тексте Бьюис он переведён практически дословно, в то время как у Бормашенко в теме предложения появляется третье лицо. С одной стороны, в этом случае отправной точкой становится сам герой и его знание, а с другой, упоминание его в третьем лице сразу «овнешняет» представленную точку зрения.

В довольно длинном предложении Стругацкие обходятся без местоимений третьего лица, используя безличную конструкцию *страшно было*, которой сложно подобрать аналог в английском переводе: как у Бьюис, так и у Бормашенко мы встречаем предложение с местоимением *he*.

7.	Тропа была знакомая , но мокрая трава скользила, ветки рябины хлестали по лицу, грузный старик был неимоверно тяжел, словно мертвец, да еще мешок с хабаром, позвякивая и постукивая, все время цеплялся за что-то, и еще страшно было наткнуться на этого, который, может быть, все еще блуждал здесь в потемках. (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	The path was familiar , but the wet grass was slippery, the ash branches whipped him in the face, the bulky old man was unbearably heavy, like a corpse, and the bag with the booty, clinking and clanging, kept getting caught, and he was afraid of running into him, who could be anywhere in the dark. (Пер. А. Бьюис)	He knew the way , but the wet grass was slippery, the branches whipped his face, and the corpulent old man was impossibly heavy, like a corpse; and then there was the bag of swag, which, knocking and clanging, kept getting caught, and he was terrified of stumbling on that one, who might be roaming here in the dark. (Пер. О. Бормашенко)
----	--	--	---

В примере ниже использованные в оригинале безличные конструкции не нуждаются в упоминании субъекта: читатель понимает, у кого не было времени и сил и кому нужно было скорее избавиться от Стервятника. Английские переводы не обходятся без третьего лица. Если в первом случае сохранение стратегии оригинала ещё возможно (например, *there was no time or energy*), то во втором при выражении внутрисинтаксической модальности необходимо указание на её субъект.

8.	Рэдрик не отвечал ему. Не было ни времени, ни сил утихомирить расхोлившего Стервятника. Надо было скорее кончать со всем этим и хоть часок, хоть полчаса поспать перед свиданием в «Метрополе». (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	Redrick did not answer. He had neither the time nor the energy to pacify Buzzard when he was going at full speed. He wanted to Finish up as soon as possible and get an hour or so of sleep before his appointment at the Metropole. (Пер. А. Бьюис)	Redrick didn't answer. He didn't have the time or the energy to soothe the raging Vulture. He had to quickly finish with all this and catch at least an hour, a half hour, of sleep before the meeting at the Metropole. (Пер. О. Бормашенко)
----	---	--	---

Нередко в оригинале подключение к точке зрения героя происходит за счёт актуализации его перцептивного опыта. При этом воспринимаемые образы даются без указания на воспринимающий субъект. В приведённом ниже примере задействован слуховой канал восприятия: Рэдрик слышит звуки воды и какого-то падающего предмета. В русском тексте звуковые ощущения переданы как таковые и «по умолчанию» мы понимаем, что они принадлежат главному герою. В переводе Бьюис с самого начала упоминается субъект восприятия (*Redrick could hear*), в то время как у Бормашенко эпизод начинается с калькирования оригинала. Тем не менее, дальнейшее описание звуков в ванной не обходится без указания на то, что их слышит герой: *he heard*.

9.	В ванной полилась вода, раздалось фыркание, плеск, что-то упало и покатило по кафельному полу. (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине)	Redrick could hear running water, snorting, splashing, and something fall and roll along the tile floor in the bathroom. (Пер. А. Бьюис)	In the bathroom, water started running, he heard snorting and splashing, and then something fell and rolled along the tiled floor. (Пер. О. Бормашенко)
----	---	---	--

Таким образом, мы видим, что отсутствие формального выражения категории лица может быть значимым и определять угол зрения как изначально принадлежащий главному герою. Русский язык даёт возможность использовать огромное количество средств для передачи внутренней точки зрения, которым переводчики не всегда могут найти аналог в английском. Безличные предложения помогают передать состояние героя, а модальные предикаты говорят о внутренней необходимости, потребностях и т. д. действующего лица, даже не называя его. Описание перцептивно воспринимаемых образов помогает активизировать точку зрения героя в пространстве и времени, сделать его наблюдателем происходящего. В переводах субъект знания или восприятия зачастую оказывается вербализованным. В рамках данной статьи мы можем лишь строить гипотезы относительно причин такой трансформации: во многих случаях невозможно обойтись без указания на этот субъект вследствие специфики выражения переводимых смыслов в языке перевода. Так, в английском при модальном глаголе обязательно подлежащее. С другой стороны, в некоторых случаях переводы дают экспликацию субъекта даже при возможности сохранения его «в тени» повествования. Так или иначе, трудно не заметить того эффекта, который имеет повествование с эксплицированным субъектом в третьем лице по сравнению с оригинальным повествованием, где он «затушеван».

Если третье лицо обычно способствует «овнешнению» точки зрения, то использование второго лица на месте русского безличного предложения, напротив, задействует обобщённый субъект, с которым мы можем легко себя идентифицировать. Местоимение *you* в английском переводе позволяет создать иллюзию диалога с читателем и сделать его «участие» в сюжете более активным.

Сопоставление рассмотренных текстов с их переводами позволяет не только делать наблюдения над трансформациями, которые претерпевают персональные смыслы в английских текстах, но и заметить некоторые композиционные особенности оригиналов, которые мы пропускаем при обычном чтении. Частое отсутствие показателей третьего лица способствует формированию субъективированного нарратива. Как нам кажется, в данном случае можно говорить о нулевом знаке – использовании конструкций, в которых нет указания на третье лицо – как об эффективном приёме субъективации в третьеличном нарративе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Бондарко А.В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб: Наука, 1991.
3. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
4. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
5. Маканин В.С. Лаз. М., Новый мир, 1992.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Стругацкие А.Н., Б.Н. Пикник на обочине. М., Молодая гвардия, 1972.
8. Уржа А.В. Интерпретация модусного плана повествования в переводе: между текстом и подтекстом // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы международной научной конференции. ИРЯ РАН им. В.В.Виноградова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. С. 334-341.

9. Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. 2-е изд. Спутник+ М, 2016.
10. Успенский Б.А. Поэтика композиции. «Искусство». М.: 1970.
11. Makanin V.S. Escape Hatch & the Long Road Ahead: Two Novellas. Translated by M.A. Szporluk. Ardis Publishing, U.S., 1998.
12. Strugatsky A.N., B.N. Roadside Picnic. Translated by A. Bouis. MacMillan Publishing Co., Inc, New York, 1977.
13. Strugatsky A.N., B.N. Roadside Picnic. Translated by O. Bormashenko. Chicago Review Press, Incorporated, 2012.

Поступила в редакцию 18.10.17

V.A. Nemkova

**PERSONAL DEIXIS MARKERS AND OBJECTIVISATION OF THE VIEWPOINT
(BASED ON “ESCAPE HATCH” BY V. MAKANIN AND “ROADSIDE PICNIC”
BY STRUGATSKY BROTHERS AND THEIR ENGLISH TRANSLATIONS)**

The article focuses on the connection between personalization markers and a point of view in third person narrative. The absence of a formal expression of a third person becomes for the author a means of connecting to a point of view of the protagonist and allows the reader to take the position of the latter, to look at the world through his eyes. In English translations at the place of a significant lack of these indicators, we often find third person pronouns that transform the point of view, providing a more objective angle, reminding us that we are looking at the hero from the side.

Keywords: personalization, deixis, internal point of view, external point of view, subject of perception and conscience.

Немкова Вероника Антоновна, аспирант
кафедры русского языка филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова
119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных
факультетов, филологический факультет
E-mail: nika.nemkova@mail.ru

Nemkova V.A., postgraduate student
at Department of Russian Language (Faculty of Philology)
Lomonosov Moscow State University
1st Humanities Building, Faculty of Philology,
Moscow State University, Leninskiye Gory, 119991,
GSP 1, Moscow, Russia
E-mail: nika.nemkova@mail.ru